

Coney Island History Project Oral History Archive

Interviewee: Olga Martynchuk

Interviewer: Julia Kanin

<https://www.coneyislandhistory.org/oral-history-archive/olga-martynchuk>

Content © 2021 Coney Island History Project. All material on the CIHP website is copyrighted and cannot be used without permission.

Все материалы на сайте Исторического проекта Кони-Айленда защищены авторским правом и не могут быть использованы без разрешения.

Юлия Ханина: Это Исторический Проект Кони Айленд. Меня зовут Юлия Ханина. И сегодня мы разговариваем с Ольгой Мартынчук, мамой двадцатидвухлетнего профессионального боксера Америки Никиты Абабия с прозвищем White Chocolate. Ольга и Никита проживают на Шипсхедбей. Здравствуйте, Ольга.

Ольга Мартынчук: Здравствуйте.

ЮХ: Расскажите, в чем секрет воспитания боксера-чемпиона?

ОМ: Секрет воспитания очень прост: надо быть настойчивым. Надо правильно подходить к тому, чего ты хочешь от ребенка, и что в будущем ты хочешь от него увидеть. То есть очень важно с ребенком проводить все дни, дать задачу, то есть учиться в школе – раз, поступить в колледж – два, и третье, основное, это по две-три тренировки в день. И заставлять, и просить, и шантажировать, но, в конце концов, добиться того, чего мы добились, в результате что мы имеем.

ЮХ: Почему начал увлекаться боксом? С чего началось?

ОМ: Никита был очень мальчик у меня шустрый. Везде лез, защищал девочек. Меня часто вызывали в школу, что он плохо себя ведет. Ну, он плохо себя не вел, он просто защищал слабых. И я вот подумала, куда же мне деть его такой дар: защитника, победителя, и успокоить ребеночка, так как у нас Америка страна наркотиков. И очень я переживала, что попадет в плохую компанию. И начала искать, куда бы его дать.

Первое, куда я его записала в четыре года, это была секция по плаванию. Результаты давал великолепные. Мы получали первые места. За год он достиг очень высоких результатов. Но я испугалась, что будут болезни, связанные с плаванием. И я попробовала его в кикбоксинг. Хотела, мечтала о боксе, но так как в боксе можно заниматься боксом только с девяти лет, а ребенку уже было шесть, и я отдала его на кикбоксинг и джиу-джитсу. То есть в кикбоксинге он достиг высоких результатов: он стал чемпионом Ринг-сайд, чемпионом всех-всех-всех титулов, которые есть. У нас награды, у нас trophies [*трофеи* – перевод ЮХ]. И также он занимался джиу-джитсу. Джиу-джитсу это был спорт в одежде и без. Достиг результатов тоже огромных: он был чемпионом. Всегда первые-вторые места. Третьих никогда не было. И все-таки я мечтала, чтобы он был боксером. И когда мы достигли возраста девяти лет, мы его отдали на секцию бокса. И во время бокса, он еще очень занимался все-таки еще кикбоксингом. То есть у нас награды. Мы не заканчивали кикбоксингом [заниматься] где-то до двенадцати лет.

Но с девяти лет и по сегодняшний день, у него вся жизнь прошла в боксе, то есть две тренировки в день, отдыха нет, каникул нет. Ребенок вообще не дышал, говорил: «Мама, у меня детства нет, у меня вся жизнь в тренировках.» Но я все понимала. Тренировок было очень много. Тренировки были тяжелые, по два часа первые, по два часа вторая семь дней в неделю. Я возила его в Стетен Айленд, я возила его на Кони Айленд, мы тренировались на пляже. Мы плавали от первого Брайтона по пятнадцатый через камни, от камней до камней. То есть когда была весна, по осень, у нас были заплывы утром, тренировки на песке.

Сейчас он уже пошел в профессиональный бокс, мы подписали контракт. И он у нас уже как новая звезда профессионального спорта: очень знаменитый, очень популярный среди молодежи. Люди его любят. Даже первые когда у нас были только начинались первые бои, у него уже была очередь с автографов. То есть подходили детки десяти лет, и мальчики, и девочки, шесть-семь-десять лет, и брали у него автографы. Там девочки делали куртки с его изображением лица. Он - Никита White Chocolate, но он очень любит Наруто. И поэтому все эмблемы, и все это связано с Наруто, потому что он из маленького мальчика стал победителем, защищал весь мир. И вот Никита, у него еще он идет под Наруто, то есть у него имидж такой, у него лицо, прическа, у него все под Наруто. Учился он в школе PS100, это возле Кони Айленд. Часто мы очень ходили на Мемориал Дей на Кони Айленд, потому что дедушки наши воевали, защищали все, и мы всегда это чтим. И как бы Никита всегда когда бьется, всегда перед боем, он говорит спасибо своим дедушкам, он просит у них помощи, поддержки в каждом своем бою.

ЮХ: У него сразу был интерес к этому спорту, или это кто-то посоветовал, или Вы просто отвели на бокс? Почему именно это направление?

ОМ: Я еще решала с точки зрения финансов, честно говоря. Потому что бокс тогда только-только начал возрождаться, и уже были такие перспективы на будущее очень большие. То есть заканчивал бы он колледж, был бы каким-то там доктором – это всю жизнь работать, работать... В боксе другое: там работаешь, если ты становишься знаменитым, у тебя работа до тридцати лет. И ты можешь пойти на отдых, и открывать свои джимы если ты популярный боксер. То есть с точки зрения его профессионализма и карьеры, я решила что это для него будет лучше, чем сидеть и мучиться двадцать лет, учиться-учиться чему-то, а потом жизнь вдруг изменится, что-то не понравится. И я решила, что все-таки бокс это как и хорошо ему для жизни, то есть он всегда себя защитит, любого человека. Он будет очень порядочным боксером. Боксеров выращивают... как-то сразу боксеров когда учат, им сразу дают дисциплину. То есть он не имеет права биться на улице. Он не имеет права вступать в какие-то драки. Это закон бокса. То есть если ты профессиональный боксер, или начинающий, да, ты хорошо бьешься, но ты не должен свою силу показывать на улице. И просто в перспективе, я хочу чтобы мой ребенок был богатый, счастливый, знаменитый, я из таких корыстных целей решила пойти в бокс.

ЮХ: Тяжело ему было совмещать со школой?

ОМ: Очень тяжело было совмещать. Потому что он учился очень хорошо. Он математику у нас знает. До сих пор он умножает в голове четырехзначные номера в голове на четырехзначные. Он быстрее отвечает мне на вопрос пока я нажму на калькуляторе и узнаю сумму. Математике учился он в PS303. Это тоже находится рядом с Кони Айленд и Брайтоном. И он был сигма элит в математическом классе, то есть уже будучи боксером. Все обычно считают боксеры тупые, у них пробиты мозги. Но сейчас боксеры другие, другие поколения. И боксеры очень умные и

талантливые. Тем более у Никиты не только бокс, еще он развивает очень свой YouTube-канал. То есть он еще делает смешные видео, которые розыгрыши, которое очень смешное и очень весело. И в YouTube он тоже очень популярный. То есть funny видео, какие-то пранки. Это у него больше двадцати видео.

То есть ребенок очень развит. Он когда даже был маленьким, собирал конструктор, который я думала «сейчас он у меня отдохнет, за месяц-два я его загружу конструктором.» Будет у меня собирать. Но ребенок собирал конструктор за день-два. И мы покупали новые. Вот. Поэтому как ты ребенка воспитаешь... Я всегда говорю, воспитание ребенка такое же воспитание как собак. То есть и доброта, и ласка, и пряник, и кнут. У меня было совмещено все. Я была доброй, справедливой, и злой, и уверенной в том... Я всегда говорила, «Никита, ты должен идти вперед. Бокс — это твоя жизнь.» То есть ребенок так и жил. Никогда не возмущался, что мама забрала детство. Даже много его интервью, которые он давал на YouTube, на каналы какие-то. Он всегда говорит спасибо маме, что я стал тем, кто я есть. Спасибо, что она даже была иногда очень со мной строгая.

То есть мы жили в очень маленькой квартире. Он до двадцати лет спал на двухъярусной кровати, потому что у нас была одна комната, и я жила со своей мамой, и еще с дочкой. И мы жили в очень тесной, маленькой квартире. И он никогда не был возмущен, что он так живет. Он все это принимал. Потому что очень много, очень много денег тратилось на выезды, когда были соревнования непрофессиональные. Я тратила очень много денег на гостиницу, на его инвентарь, на тренировки. У нас тренировки тоже очень дорогие были. То есть если мы вкладываем в детей, значит мы потом с детей должны... Не должны, но мы думаем, что ребенок все-таки будет понимать, будет работать, и будет отдавать. То есть звездой ты никогда не станешь, если у тебя в голове не появится «Я хочу и я буду.»

ЮХ: Почему имя такое – White Chocolate?

ОМ: White Chocolate – очень интересное имя. Оно мне очень не нравилось, потому что я хотела имя более агрессивное. Потому что боксеры это... все-таки вид спорта, а не нежные фигурные катания. Мы занимались в джиме, где были только испано, латино, и черные.

ЮХ: Чернокожие?

ОМ: Чернокожие. И его все очень любили. Он даже когда учился в школе Линкольн скул, как вы знаете, это эрия, вся школа чернокожих. Они его просто обожали. И у него все друзья, он даже музыку слушает только чернокожих. И вот они как-то прикалывались, а Никита – беленький, волосы беленькие, глаза зеленые, а все вокруг – темненькие. И кто-то один говорит, «О, а давай ты будешь белый шоколад! Вот мы – черный шоколад, а ты будешь белый шоколад.» И как-то эта кличка к нему приклеилась – White Chocolate. И мы уже так оставили, потому что у нас реально был тренер испанец, и у нас все тренера это чернокожие. Великолепные люди, мы их всех обожаем, это все наши друзья. И вот они так решили назвать его White Chocolate. То есть черный шоколад и белый шоколад. Очень смешная история, которую ему очень неудобно рассказывать, потому что он как-то не любит говорить чернокожие, латино, мексы... Он всех любит, и его все любят. Но вот как-то он корректно так объясняет, что «я там был один беленький, а остальные были черненькие. Поэтому меня назвали белым шоколадом.»

ЮХ: Он не проиграл ни одного боя, насколько я поняла?

ОМ: Сейчас у нас профессиональных боев десять. И все десять выигрышные. И мы стремимся работать все больше и больше, потому что Никита – очень своеобразный ребенок. У него своеобразная внешность. И он очень бросается в глаза, когда он на ринге. То есть это белые длинные волосы, это зеленые глаза. Он не такой, как все боксеры. Обычно все боксеры у нас выстриженные, полу-лысые, какие-то там... очень simple [простые – перевод ЮХ.], как говорят, очень все одинаковые. И Никита очень-очень отличается от других. И поэтому он всем бросается в глаза. Иногда таких очень любят, иногда таких очень не любят.

Ну и так, как он у нас очень яркий и бросается в глаза, ему еще тяжелее. Потому что работать надо больше, больше, и больше. У него выходных тоже нет. Он попросил, «Мамочка, дай пожалуйста хоть Sunday. Воскресенье выходное.» И я уже ему тут, так как он взрослый мальчик, я даю ему в воскресенье один день выходной. А так у него тренировок по две в день, или джим. Утром – бег обязательно. Пробежка, физическая культура, и вечером у него обязательно должен быть или спарринг, или что-то работа с перчатками.

ЮХ: То есть работа продолжается и сейчас?

ОМ: Каждый день. И у нас бой, например, раз, и три месяца надо ждать следующий бой, четыре. То есть все эти четыре месяца он продолжает тренировки. Он должен скидывать вес. Это очень, очень тяжелый труд. Это во-первых, когда тыходишь на ринг, это ответственность большая, потому что ты яркий. Когда спортсмены некоторые не отличаются друг от друга, им проще. Потому что их никто не помнит, их никто не запоминает. У Никиты на YouTube больше десяти миллионов просмотров. И он поэтому... ответственность очень большая. То есть даже на почве этого он иногда и стресс имеет, потому что он устает, у него болят руки, ноги, плечи. Как старый дедушка. Даже в пандемию, когда не было тренировок (все было закрыто), мы тренировались на улице, мы брали тренера, мы тренировались возле дома, потому что в доме мы не можем тренироваться – соседи кричат «Караул!» (сыпятся люстры). И мы тренировались каждый день на улице, когда пандемия.

Как только открыли джимы, мы сразу пошли в джимы, и начали тренироваться уже правильные тренировки. У него есть тренер, его зовут Карстон Андерсон, он как наш член семьи. Очень сильный, он его даже называет папой, потому что он с ним с детства, с девяти лет. Он с ним занимается. Если бы не он, с Никиты не вырос бы никто. И у нас еще тренер Соса Адриано. Это наш официальный тренер. Также ему большое спасибо потому что мы ходили в джим для детей, которых поддерживал Нью Йорк Капс энд Кидс. Они открыли пять боро: Манхэттен, Бруклин, Бронкс, Стэтен Айленд для детей, которые чтоб не гуляли, не делали наркотики, в которых семьях очень плохо. Они спонсировали клубы и мы тренировались там бесплатно. То есть каждый день. И если ты еще хорошо учился в школе, тебе давали за репорт кард пятьдесят долларов. Это был стимул большой для детей. И вот благодаря этому клубу нас заметили. То есть хотели брать такие известные как Дэ Ла Хойя Никиту хотел подписать. А когда Никита выступал уже на Ring Side, Silver Gloves, Golden Gloves, стал Мастер Ринг 2018 года. Это десять самых-самых лучших боксеров. Награждают золотым перстнем двести грамм с бриллиантами. И Никита сейчас имеет звание Мастер Ринг. Этим людей очень мало у нас в боксе, потому что только самые-самые достойные их награждают таким званием. Он становится Мастер Ринг пожизненно. То есть видя его все бои, когда он выигрывал Golden Gloves, Silver Gloves, Ring Side, хотели его подписать такие как Де Ла Хойя, Хари Филд, но выбрали компанию, которая с Англии. Это новая компания, которая сейчас подписывает очень самых-самых крутых и лучших боксеров Америки, хотя они с Англии.

Никита, когда он сделал пару боев профессиональных, ему в Barclays Center подарили майки, и титул пожизненный VIP-член Barclays Center приходиться на все концерты, на все бои, на все игры. Сам директор Barclays Center Никиту очень любит, он его фанат. И он сделал его VIP-персоной Barclays Center. То есть Barclays Center – это такое место, где мечтает биться каждый боксер. Мейвейзер бился один-два раза, Никита бился в Barclays Center уже четыре раза. То есть мечта каждого боксера дойти до какого-то уровня. Каждого боксера мечта биться в Barclays Center. То есть Никита уже бился там много раз и он еще VIP-персона, который может приходиться. Только говорит имя – и его пропускают на все-все шоу. И это мы все добились потом, кровью, и мамиными нервами. Мама седая, но я очень горжусь и рада, что ребенок все-таки понял, и идет к своей мечте, хочет расти, расти, расти. И вот даже в данное время он тренирует сборную тик-токеров, которые будут биться скоро в Майами с Ю-туберами. И он уехал сейчас туда тренировать эту команду.

ЮХ: Как вообще происходит этот переход в профессиональный спорт? Потому что насколько я поняла, он получал награды еще будучи школьником. И... должен кто-то заметить? Как вообще это происходит?

ОМ: Да, вот только что я сказала, когда происходят вот эти бои, которые главные – Golden gloves, Silver gloves, Ring Side, это очень важные бои для каждого боксера. Никита, так же я забыла сказать, он был в сборной USA боксинг команд в джиме. Это он был в Американской команде бокса. Он выступал за американскую сборную, ездил в Санкт-Петербург, в Узбекистан, он ездил в Англию. И в сборной команде Америки он защищал Америку. То есть он в сборной команде. То есть когда происходят какие-то бои, большие такие, высокие, на эти все бои приезжают агенты. И они всегда смотрят кто как бьется. И так как я еще раз повторюсь, Никита всегда был неординарный: он блондин, волосы длинные. И когда видят, что боксер неординарный... У Никиты очень прекрасная техника: он бьется левой рукой, правой рукой. Это очень важно для боксера, потому что боксеры, которые левши, они очень хорошие, они выигрывают, они достигают вершин. Никита у нас бьется как левой, так и правой благодаря нашему тренеру. И когда он выступает на всех этих соревнованиях, всегда агенты это видят. И в один прекрасный день пришел агент, такие как Де Ла Хоя, Хари Филд, они уже нас хотели подписывать. Но мы выбрали других, которых мы рассчитали, что они будут для нас... Дело в том, что многие агенты, которые подписывают, они просто подписывают и дают бои. Наша же компания очень сильно Никиту «раскручивает»: то есть это большие билборды, это большие пресс-конференции. То есть человека они уже вот эти все бои, которые только начинаются, они его презентуют людям. То есть они дают такую рекламу, что весь мир его знает: Никиту знают в Китае, в Украине, в России, в Эмиратах, в Англии. Его подписчиков, его... кто его любит фанатов очень много по всему миру. Про него Ютуберы говорят и в Украине и в Китае, которые смотрят его бои, просто в шоке, как человек бьется. Так он молодой! И какая у него техника.

То есть просто это счастье, когда тебя замечают какие-то компании, которые продюсеры, промоутеры, которые могут тебя подписать. Это не мама идет, дает кому-то сто долларов или тысячу, «подпишите моего сыночка.» Это чисто труд ребенка. Как я всегда говорю: Бог все видит, Бог благодарит. И вот такую награду, такое счастье, что его подписали. Просто это не то что случайность. Это труд ребенка, который мы трудились вместе. И отказывалась от всего многого, потому что расходов на его разные соревнования Ring Side, Gold Side, все эти разные-разные... Потому что чтобы выиграть Golden gloves или Silver gloves, мы должны были пройти state бои, мы должны были пройти где-то пять-шесть этапов, чтобы потом попасть как финалист на Ring Side. И

потом ты опять бьешься, там сто пятьдесят человек. Ты проходишь очень много боев и уровней. И за пять-шесть дней ты должен дойти до финала или полу-финала. Очень многие выигрывают, уже доходят как бы до финала Golden gloves, но первый день проигрывают, потому что соревнования длятся пять-шесть дней. У одного может быть два-три боя, у Никиты всегда было от начала недели до конца. В субботу был у нас финал, и тогда уже мы молились Богу, ты выиграешь или не выиграешь. То есть очень-очень тяжелый труд. Это просто труд не только меня, это труд ребенка. И, конечно, финансово... Потому что я отказывалась, мы не ездили ни в Мексику, мы не ездили ни на отдых никуда. Ребенок вечно, особенно когда был маленький: «Мама, ну почему мы не ездим туда?» И я старалась объяснить, что очень много денег я трачу на твои соревнования, потому что если гостиница, например, Мариотт, я не могу снять гостиницу рядом, или снять очень дешевую гостиницу Motel 6. Я должна именно быть в Мариотте и платить 150-200 долларов за ночь. А ночей у нас было пять-шесть. И расходов у нас было очень много. Но ребенка я всегда возила в Дисней. Благодаря тоже потому что соревнования были иногда во Флориде. И после соревнований, в знак благодарности, я всегда его возила в Дисней. То есть он был и в Диснее, он был везде. А так как сейчас он взрослый, он уже ездит по всему миру. Каждый бой он, конечно, благодарит маму, благодарит тренеров, которые просто и кнутом, и пряником ребенка и заставляли. Ну, сейчас уже в 22 года, он понимает, что это его жизнь, это его хлеб, и это все то, что ему даст все то, что он хочет.

Да, хотела бы сказать, что то, что мы видим фигуристов, теннисистов, кикбоксеров, пловцов, которые выступают на телевидении, на Ютубе, на соревнованиях, и которых знает весь мир, это очень-очень тяжелый труд дойти до этого. То есть доходят до такой карьеры не каждый. Это с тысячи, с одного миллиона, десять человек. То есть я хотела сказать, что очень тяжелый труд, именно тот труд, который они делают до боев. Это поломанные связки, порванные связки, это суставы, мышцы. То есть ребенок сделал сегодня тяжелую тренировку, он должен утром встать и делать еще тренировку. То есть дети, которые достигают высоких уровней, это очень-очень тяжелый труд ихний. Настолько тяжелый, что просто жалко что мы показываем всегда по телевидению идет бой, идет фигурное катание, но не показывают никогда как ребенок тренируется и доходит до того, что он имеет в конце. Мы видим сливки, мы видим черешенку на торте, но мы не видим, как эта черешенка созревает, мучается, потеет, плачет. Реально, эти все соревнования, эти все победы достигнуты кровью и потом. Это как спартановцы, как викинги, когда я всегда Никите говорю, «Никитушка, ты у меня как викинг.» Когда он был маленький. Всегда говорила, «Никита, ты викинг, ты должен побеждать, и идти, и бороться.» Это реально кровь и пот. Реально спартановцы. То есть всем желаю посмотреть фильм про спартановцев, и понять, что наши дети-спортсмены, которые великие сейчас, были великие когда-то, который вот сейчас даже им по двадцать лет, но это все очень-очень тяжелый труд. И этот труд никто не видит, и никто даже не может понять, представить себе, насколько это все тяжело. Только мы, мамы, папы, бабушки, мы ночами плачем, мы жалеем наших детей, но утром мы встали в позу, мы будим их на тренировку, мы с ними ругаемся, мы их заставляем идти, тренироваться, и побеждать. Потому что выигрывает только сильнейший.

ЮХ: Есть ли вообще какая-то поддержка со стороны государства, может быть в детстве, или в Америке вообще это не принято никак?

ОМ: В Америке поддержки никакой не было. Даже скажу такой случай. Когда нам надо было уехать в Санкт-Петербург, у Никиты были экзамены в хай скул. И мы просили директора, что вот мы в сборной Америки – ваша сборная Америки по боксу. Едем защищать, Америка будет биться с

разными странами. Это были international [международные – перевод ЮХ] соревнования. Там приезжали люди с Франции, Германии, все сборные. И наша Америка. Я дала им письмо от team [команды – перевод ЮХ], что они просят экзамен Никите перенести на другое время, через неделю. Директор ни в коем случае не согласилась ничего переносить. И нам снизили оценку даже из-за того, что мы не были в это время в школе. То есть государство вообще даже, понимая то, что мы защищаем Америку нашу, не то, что Америку – Бруклин, мы защищали всю Америку. Это сборная Америки по боксу, где дети были со всех штатов. Никита был в том числе. Он бился в Питере (Санкт-Петербург), он бился в Англии. И все это время мы пропускали хай скул. И никакой поддержки от школ не было. Хотя я приносила и награды, и письма. Ничем не поддерживали. Государство тоже никак не поддерживало. Поэтому я сто раз говорю, что очень много денег потратила. Потому что я должна была находиться именно в том городе, именно в этой гостинице. Расходы были просто колоссальные: от двух тысяч до пяти за бой. Боев у нас было в год пять-шесть. То есть мама как могла собирала, одалживала. Помогали все. Одежда, которые кроссовки у нас, от триста долларов до пятисот, это слава Богу, вот когда мы были в джиме Нью-Йорк Капс энд кидс, они нас полностью, наш тренер Соса, давал нам одежду, давал нам перчатки. Потому что важно какие у тебя перчатки, чтобы ребенок руки не ломал. Хотя у Никиты все пальцы сломаны. Это уже просто профессиональная болезнь. Давали правильные кроссовки. Это все играет большую роль. Если неправильные кроссовки, неправильные перчатки – ребенок ломает все. И потом уже о профессиональном боксе можно забыть. От государства поддержки не было. Но, благодаря вот этой компании, которая Нью Йорк Капс энд кидс, они очень нас поддерживали. Не только нас, но и других боксеров, других детей. И давали и майки, и одежду, и все.

ЮХ: Чем еще увлекается Никита? Вы упоминали Ютуб.

ОМ: Да, вот Никита с детства он очень любил Майнкрафт. Он очень любил строить конструкторы, всякие Лего. Лего, которые стоили по сто-двести долларов, то наверное нормальный человек его мог сложить за месяца два-три. Он его складывал за два-три дня. Я уже не знала что делать. Никита очень увлечен. Он катается на всех скутерах. Велосипед, скутер, теннис – настолько развит ребенок! И у него много друзей. И он с друзьями... вот он их направляет что им нужно делать. То есть у нас нету ни одних друзей ни наркоманов, ни алкоголиков, ни тунеядцев. Все друзья работают, все учатся в колледжах. Сейчас, конечно, они подросли все и работают, но, говорю, Никита очень развит. То есть плавание, гольф... Только выходной, это не тот ребенок, который сидит и бокс, бокс, бокс. Нет, он очень многосторонний. Он рисует великолепно. То есть я думала, что он будет у меня создавать мультфильмы, и это будет все на компьютерной графике, потому что он компьютер, графика – все делает. Сейчас он немножко вырос, создал Ютуб свой сайт [канал – прим. ЮХ]. Он сам обрабатывает видео, сам снимает, сам все делает. Это очень-очень большой труд. Немногие могут это делать. То есть он взял себе качественные камеры, и сам создает, придумывает видео. Это тоже очень тяжело. То есть, я повторяю еще раз, боксеры не тупые. Если ты боксера воспитала умным мальчиком, или девочкой, развитой. То есть любой спорт, любой вид спорта, если мама развивает ребенка не только в направлении спорта, и учебы. То есть мы даем ему познать все. Я никогда не ругала за что-то, я всегда ребенку давала шанс, «Окей, ты попробуй. Получится – окей, нет – нет.» Я всегда даю шанс. Я никогда не запрещаю. То есть у нас было он увлекался фотографией. Я купила ему хорошую, дорогую камеру. Поигрался, закончил. То есть я никогда не говорю «нет, нет, нет,» я всегда говорю «окей, ты пробуй. Пойдет, будешь делать.» И вот этим «хорошо, пробуй, делай» он достиг очень высокого... то есть он очень разносторонний. И с ним есть о чем поговорить.

И это все можно посмотреть в Ютубе на White Chocolate, очень много интервью. Очень много его все, что он любит и чем он занимается.

ЮХ: В одном из интервью есть упоминание, что вот дедушки воевали во Второй Мировой Войне. Вы говорили, что он всегда это вспоминает, что вы ходили на Мемориал. Вот расскажите немного об этом.

ОМ: Во-первых, сейчас такое время, 2021 год, мы считаем все, которые воевали, уже давным-давно умерли. Потому что ходили воевать, наши дедушки воевали с 16 лет. То есть в двадцать один год один дедушка уже был капитаном. По званию был капитаном. То есть в двадцать один год это достигнуть таких в воинской части и остаться живым, дойти до Берлина, и выиграть, и жить до конца здесь. То есть это очень большую играет роль в воспитании тоже детей. И Никита всегда гордился, что у него остались они живы, что они воевали, что они... Мы как бы с детства рассказываем про войну. Мы рассказываем про то, что фашисты делали с народом в каждом. То есть я это развивала очень всегда. Я показывала фильмы. Я показывала историю. Я рассказывала, то есть я всегда эти все традиции поддерживаю. Кстати, Никита говорит на русском, пишет на русском. В то же время, что он родился в Америке, он прекрасно без акцента говорит на русском, пишет, и читает. Это очень большая редкость в наше время. Он считает, что у него ангелы-хранители это именно те дедушки, которые воевали, потому что он считает себя воином.

ЮХ: А как вы переехали в Америку? Вы упоминали, что вот дедушки переехали, я так понимаю, да?

ОМ: Ну, дедушки переехали в Америку, но так как мама развелась... Были разводы, в то время Америка считалась страна... мы считались предателями. И это было все засекречено, кто уезжал, все было под очень запретом... И я решила, потому что уже пришли девяностые годы. Было очень тяжело жить. Смена была всего. Было очень, очень тяжело. И я просто сказала, «Мама, я хочу жить в Америке.» Я не знаю почему, но для меня Америка виделась страной такой, что могла дать мне все то, что я не имела когда-то. Приедя сюда, конечно, я нашла всех дедушек, с ними познакомилась. Была высокая поддержка. И вот я осталась здесь. И я очень люблю Бруклин, я люблю Кони-Айленд. Каждые субботу-воскресенье мы идем на качели-карусели, как мы говорим. То есть мы очень, когда был ураган, мой ребенок просто плакал, потому что каждую субботу мы ходили смотреть дельфинов-касаток. Мы ходили в Аквариум. Для нас это было просто шок, когда эти дельфины, и это все погибло, и очень-очень все были upset [*расстроены* – перевод ЮХ], очень были грустные, что так все у нас случилось. Но слава Богу, даже после урагана, памятник Мемориал остался. И он даже не сдвинулся. Потому что мы даже специально ходили смотреть, остался памятник или нет, и памятник стоял.

ЮХ: А как вообще пережили этот ураган?

ОМ: Ураган мы пережили хорошо, как можно сказать. Мы жили на втором этаже. И все соседи с первого этажа и бейсмента жили у нас дома. У нас был пионерский лагерь, как в давние времена. Мы спали все вместе на одних кроватях. То есть наш дом превратился в приют для тех, кто пострадал. Всю одежду, майки, трусы, носки, мы все поотдавали людям, которые нуждались. У нас был бензин, к счастью, я заправилась, не зная, что будет. Я не верила, конечно, что ураган будет такой сильный. Просто заправила бензин. И мы просто вывозили, спасали всех людей, которые жили вокруг нас в бейсменте. И у нас дом превратился в общежитие. Мы были без света десять дней. Мы были без горячей воды. У нас не было ни холодной, ни горячей воды. У нас у девочки

родился маленький ребенок, и все мы спали кто на полу, кто на кроватях в нашей 1-bedрум квартире на Брайтоне. Да, и мы очень классно провели время. И благодаря даже этому урагану, мы сплотились просто до невозможности, потому что у нас жили не только русские, но и американцы, которые пострадали. То есть как-то я считаю, что помогать нужно, и я вообще веду себя как иногда мать Тереза. Меня мой Никита очень ругает, потому что говорит: «Мама, ты такая добрая, а в ответ ничего не получаешь.» Но наверное у меня в крови, потому что нас воспитали так раньше – ты должна помогать, ты должна понимать, и ты должна все пронести через себя. И вот так я и Никиту стараюсь воспитывать, и свою вторую дочь, что чтобы ни было, пронеси свое тело, свое сердце, спроси себя – а вот ты бы так поступил? А с тобой бы ты так поступил? И поэтому детей я как-то воспитываю в этом смысле. И не требую в ответ ничего. То есть дети мои стараются жить так, как нас воспитали когда-то. Это комсомолы, октябрята, коммунисты. То есть я живу все-таки по правилам, потому что те правила были очень хорошими. Ты в ответственности за тех, кого приручила, и ты должен отвечать за свои поступки.

ЮХ: Вы сразу оказались в эрии Кони Айленд? Или до этого Вы жили где-то в другом месте в Америке или вообще в Бруклине?

ОМ: Я сразу оказалась Бей Ридже. И я год не знала, что вообще существует русская община. Я потом как-то случайно... Как-то случайно мне сказали, что есть Брайтон, есть Кони Айленд, и я быстренько переехала на Кони Айленд. И когда я увидела русских бабушек, русских дедушек... Господи, я так хотела с ними общаться, их обнимать! Общение было по полчаса просто на улице. Я встречала людей, с ними разговаривала. Все думали, что я сумасшедшая. Просто я так соскучилась. И больше вот уже в течение двадцати четырех лет, я живу на Кони Айленд.

ЮХ: А каким Вам вообще запомнился Кони Айленд, когда Вы его увидели в первый раз?

ОМ: Каким? Да родным просто! Просто родное, все твое, все родное. И как будто ты никуда не уезжал. И все как всегда. Даже те же бабушки, которые сплетничают, сидят обсуждают, кто пришел так, те же бабушки на лавочках. Все то же самое. Поэтому я кайфую. Я люблю когда мои дети под наблюдением. Я прихожу, мне уже говорят: вот Никита там был, а вот Никита это сделал. Я это очень люблю.

ЮХ: Каким вообще видите Кони-Айленд через несколько лет?

ОМ: Очень-очень хочу, чтобы эрия была более зеленой, чтобы было более посаженных деревьев. Потому что эрия реально... очень мало деревьев, очень мало растений. И мало очень... чего бы хотела пожелать больше каких-то мероприятий. То есть больше каких-то конкурсов для бабушек, для дедушек, чтобы они не забывали, что они еще живые, и их любят, и о них заботятся. Раньше было какие-то конкурсы были где Мемориал, были там и конкурсы, проводились. Сейчас все это закрылось. Как бы хотелось больше, больше каких-то хотя бы... Каждое воскресенье чтобы люди знали, О, сегодня воскресенье, что-то будет. Чтобы выступали дети, чтобы выступали взрослые, пусть бабушки поют песни, танцуют. Все готовы принять в этом участие. Да, еще скажу такой факт. Мы когда жили на Кони Айленд, на третьем Брайтоне, моя улица была пустая. Ни одного деревца. Я позвонила в 311, и заказала деревья. И сейчас если пройтись, все деревья посажены благодаря мне. И об этом никто не знает. Но я хочу этим похвастаться.

ЮХ: Теперь будут знать!

ОМ: Потому что это реально я позвонила и говорю, «Вы знаете, у нас такая улочка очень красивая, но ни одного деревца.» И буквально был шок, что буквально через две недели приехали и засадили нам улицу с одного края, через улицу – все было засажено деревьями. И хочу попросить всех, кто живет на Кони Айленд, в кругу Кони Айленд. Если вы видите, что у вас нет деревца ни одного, звоните и служба Green Brooklyn приедут и всю вашу улицу посадят деревья. Просто никто не хочет, всем лень поднимать свою жопу, поднять телефон и вызвать просто чтобы облагородить нашу улицу. Хотя они все это делают, и слова «нет» я не услышала, но могли поставить табличку, «Деревья стоят благодаря Ольге Мартынчук.»